

УДК 811.161

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ ИМПЕРАТИВА И ОБРАЩЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ**

Алиева Э. А.

*Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека,
Ташкент, Узбекистан
e-mail: alieva.elvina@rambler.ru*

В статье представлены результаты комплексного анализа функционально-семантического потенциала императива и обращения в монологическом тексте орнаментальной прозы первой трети XX века. Комплексный анализ данных языковых средств на материале художественных произведений самых ярких представителей орнаментализма: А. Белого, К. Федина, В. Набокова, Ю. Тынянова – показал модификацию функций и семантики данных субъектно-экспрессивных форм синтаксиса на горизонтальном (в синтагматике речевой цепи) и вертикальном (на уровне целого текста) срезах художественного орнаментального произведения.

Проведенный анализ использования императива и обращения в орнаментальной прозе позволил выявить сходные со стихотворной речью, а также специфичные для поэтического стиля названных авторов семантико-функциональные особенности названных речевых форм устного диалога. Формы повеления развивают в художественно-прозаической речи функциональную асимметрию по типу отношений омонимии, полисемии и синонимии. Изменение условий коммуникаций также, как и в стихотворной речи, приводит к совмещению в обращениях функций адресации с номинацией или характеристикой, либо усложнению апелляции эмотивной функцией. Полифункциональные обращения и повелительные высказывания оказываются средством выражения сложной информации, свойственной орнаментальной прозе, ориентированной на язык лирической поэзии. Делается вывод, что на уровне макротекста данные синтаксические категории участвуют в осуществлении игры пространственных планов, чередовании повествовательных форм, в субъективизации повествования, в создании полифонизма речевой структуры художественного текста и лейтмотива центральной темы, в выполнении изобразительно-выразительной функции.

Ключевые слова: субъектно-экспрессивные средства синтаксиса, речевые формы устного диалога, вопрос, императив, обращение, орнаментальная проза.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение экспрессивных синтаксических средств, стилистического их использования отдельными писателями представляется одним из актуальных направлений в области лингвистики.

До сих пор в лингвистике нет точного списка экспрессивных синтаксических средств, каждый лингвист, занимающийся проблемой экспрессивного синтаксиса, приводит свой набор названных единиц (А.П. Сковородников [12], Н.Г. Акимова [3], И.И. Ковтунова [11], Э.М. Береговская [6], Бао Хун [4], Н.В. Князева и

Е.Е. Королькова [9] и мн. др.). Этим объясняется неутраченный интерес лингвистов к данной теме.

В 20-х годах XX века творческие искания многих писателей шли по пути обновления формы художественного текста, что сказалось и на языке. Одним из принципов искусства слова провозглашается прием «затрудненной формы», который воспроизводился различными способами. На место классическому типу объективного повествования приходит орнаментальная проза, ориентированная на язык лирической поэзии, что проявлялось в передаче эмоционального восприятия мира субъектом речи, а также в воспроизведении идеологической позиции героя, в имитации его внутренней речи. Этому способствовало использование в языковой структуре орнаментальных произведений экспрессивных форм синтаксиса. Образцами орнаментальной прозы считаются произведения А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар». Речевая структура названных романов характеризуется экспрессивностью и использованием большого количества субъектно-экспрессивных средств синтаксиса, отличающихся своеобразием функционального потенциала (В.И. Забурдяева [8], А.А. Хамракулов [14], И.Н. Чеплыгина [15], Д.М. Халилова [13] и др.). В языковой структуре названных романов среди субъектно-экспрессивных средств синтаксиса выделяются речевые формы устного диалога (далее РФУД). К ним относятся вопрос, повеление, обращение и формы второго лица глаголов и местоимения. И.И. Ковтунова [10], рассматривая функциональный потенциал этих языковых единиц в поэзии, распределила их на две группы: сильные и слабые. К сильным, она отнесла вопрос и повеление, которые «предполагают определенную реакцию собеседника» [10, с. 61], а к слабым – обращение и второе лицо глаголов и местоимений, «не требующие определенной реакции со стороны адресата» [10, с. 61]. Лингвист отмечала, что изменение, усложнение и преобразование функций данных языковых категорий происходит под влиянием своеобразия поэтического языка и условий коммуникативных ситуаций.

Анализ особенностей использования вопроса в названных произведениях, способов его выражения, типов включения в текст, отношений и видов связи с окружающим контекстом, показал его богатый семантико-функциональный статус как на микро-, так и на уровне макротекста. Этому посвящена наша монография «Семантико-функциональный потенциал вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века)» [1]. При описании функционального своеобразия названной языковой единицы мы не раз обращали внимание [1] на то, что вопросу сопутствуют все названные РФУД, включаясь либо в состав вопросительного предложения, либо в окружающий его контекст. В данной статье мы рассмотрим своеобразие двух РФУД, а именно повеления (императива) и обращения.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Формы императива приобретают различные типы модально-эмоциональных значений: долженствования, эмоционально-окрашенного пожелания, просьбы – мольбы, заклинания; могут совмещать сообщение о факте с модально-волевой

оценкой или значения повеления и условия. То есть формы повеления развивают в художественно-прозаической речи функциональную асимметрию по типу отношений омонимии, полисемии и синонимии. Так как грамматическая форма повелительного наклонения не утрачивает зачастую своего первичного значения, то возникает «частичная асимметрия между формой и функцией – асимметрия на фоне симметрии» [10, с. 169-179]. Анализ также показал, что формы повелительного наклонения глаголов, употребляясь в монологической речи, могут становиться би- и полифункциональными (то есть выполняющие две или несколько функций). Полифункциональные повелительные высказывания оказываются средством выражения сложной информации, свойственной орнаментальной прозе, ориентированной на язык лирической поэзии. Так, например, в речевой ткани романа «Смерть Вазир-Мухтара» повеления, встречающиеся в пространном монологе Сипягина и в диалоге Грибоедова со своей совестью, в связи с тем, что они непосредственно направлены к собеседнику, не теряют своей первичной функции – апеллятивной и выражают волеизъявление: приказ, просьбу и т.д. Например: *Нет, вы скажите, полковник!* В данном случае форма синтаксического побудительного наклонения, образованная постановкой спрягаемого глагола во втором лице множественного числа, в сочетании с местоимением *Вы* выражает настойчивость адресанта речи, Сипягина, то есть передает его эмоционально-экспрессивную интенцию. Кроме того, все повеления в этом монологе в сочетании с обращением и местоимением во втором лице множественного числа создают эффект присутствия безмолвного собеседника, то есть возникает диалогизация монолога.

При автоадресации (в разговоре Грибоедова со своим вторым «Я») волеизъявление актуализируется, но в связи с тем, что в этом разговоре наблюдается раздвоение личности при обращении героя ко второму «Я» как к обыкновенному собеседнику, то в формах повеления наблюдается расширение значения. Так, например, в отрывке: - *Присядь, подумай. – Ты сегодня пнул ногой собаку на улице, вспомни.* – формы повелений, кроме побуждения к действию, выражают и желание, чтобы адресат осуществил это действие. Кроме того, формы повеления в сочетании с местоимением второго лица («я» – «ты») единственного числа создают дистанцию, воплощают раздвоенность внутренней позиции героя, способствуют диалогизации монолога [1].

Утрата и ослабление прямого побудительного значения и появление модальных значений в данных формах возникает в связи с необычным характером адресованности речи. Так, в приведенном ниже примере повествователь-рассказчик адресует свою речь неопределенному адресату, читателю как непосредственно не присутствующему в момент речи лицу. В связи с этим в форме повелительного наклонения глагола значение побуждения к действию уступает место выражению желания выполнения названного действия адресатом, например: *Тридцать нолей: это ужас; да: зачеркните вы единицу – провалятся тридцать нолей.* («Петербург») Так как между предикативными частями второго компонента этого бессоюзного сложного предложения усложненной конструкции устанавливаются условно-следственные отношения, то морфологическая форма второго лица множественного числа повелительного наклонения выражает синтаксическое условное наклонение и

относится к плану неопределенно-будущего времени. Осуществление пожелания, выраженного субъектом речи, окажется тем условием, которое повлечет за собой закономерное следствие.

Отсутствие адресата в момент речи или адресации к неодушевленному предмету обусловило утрату прямого значения побуждения и приобретение «значения желательности» [5, с. 94], что сближает побудительные предложения с оптативными, то есть возникает синонимия между этими типами предложения.

В ниже приведенном примере наблюдается противоположная картина: *Вечером город кажется неизведанным, таинственным, модным. Огни магазинов переряжают человека на каждом шагу. Вот он мрачен и загадочен, вот ласков и простодушен, вот печален, вот радостен. Если хочешь перелить свое счастье в мускулы и кости и попробовать его на ощупь ладонью – **выйди** на улицу в час, когда только что засветились фонари и лавки, пробеги сквозь спящие по тротуарам девичьи выводки, **разминись** с ловеласом, бездельником жуиром, **посторонись** занятого озабоченного человека...* («Города и годы»). В сложноподчиненном предложении усложненной конструкции часть, включающая формы повеления, – главная. Глагол в морфологическом повелительном наклонении выражает не столько требование, сколько модальное значение долженствования, совета. Форма повелительного наклонения, не связанная с передачей воли говорящего, служит только «образным» обозначением возможности действия. Выражение возможности действия указывается специальным лексическим окружением «если хочешь». Связь действия с субъектом «представляется уже навязанной субъекту» [15, с. 52], которым в данном случае посредством обобщенного второго лица является любой, всякий вообще. Обобщенный смысл, высказанный формами повелительного наклонения, помимо «неопределенного адресата придает им модальное значение, позволяющее частично соотнести их с модальными суждениями» [10, с. 81]. Данные формы повеления являются знаком переключения с объективно-авторского на субъективно-авторское повествование.

Этот своеобразный монолог повествователя, адресованный читателю, представляет собой лирическое отступление, внутренне связанное с повествованием, и является композиционно-структурной формой когезии¹.

В других случаях наблюдается ослабление первичной функции повеления и приобретение не одной, а нескольких несвойственных данной форме устного диалога функций. Так, в ситуации, где субъектом речи выступает герой и сближенный с ним повествователь, адресующие свою речь к не лицу, формы повелительного наклонения утрачивают прямое значение побуждения, в связи с необычной адресацией, и приобретают более сложные языковые значения. Обратимся к

¹ В орнаментальном субъективном повествовании можно наблюдать связь между отдельными частями текста, отстоящими иногда друг от друга на значительном расстоянии. Для обозначения подобной связи используется термин «когезия». По определению И. Р. Гальперина, это «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную), взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» См. об этом: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – С. 74.

примерам: *Ветер взморья рванулся: посыпались последние листья: и Александр Иванович все знал наизусть: Будут, будут кровавые, полные ужаса дни, и потом – все провалится; о, кружитесь, о вейтесь, последние дни! О, кружитесь, о вейтесь по воздуху вы, – последние листья!* («Петербург») В данном отрывке формы повелительного наклонения от глаголов несовершенного вида с лексическим значением длительности обозначают одновременно желаемое действие и относящееся к плану неопределенно будущего времени, и реальное действие, которое уже происходит в момент речи. В этом случае повелительное по форме высказывание сообщает о том, что происходит сейчас и желательно, чтобы происходило в будущем. Это сближает подобные формы с изъявительным наклонением. Но в отличие от изъявительного наклонения сообщение в форме повеления одновременно передает и эмоционально-оценочное отношение к нему со стороны субъекта речи-повествователя: его желание, чтобы это происходило и продолжалось, на что указывает повтор повелительных форм. В то же время двукратный повтор с лексическим распространением, усиливая значение желательности, придает этим формам и всему отрывку значение заклинания. В связи с тем, что здесь временной отрезок уподобляется предмету, возникает индивидуально-авторская метафора. Под влиянием специфических условий коммуникаций (то есть адресация героя и сближенного с ним повествователя к заведомо некоммуникабельному адресату – не лицу) данное обозначение становится коммуникативной метафорой. Субъективная ассоциация, связывающая протекание временных отрезков (дни) с полетом осенних листьев, позволяет приписать этим «дням» изначально несвойственные им действия, что усиливает поэтическую функцию форм повеления «*кружитесь, вейтесь*».

Итак, повеления, выполняющие функцию сообщения, становятся частичными синонимами повествовательных предложений. Но так как формы повелительного наклонения, кроме функции сообщения, несут в себе еще модально-оценочное и волевое значение, то в рамках определенного контекста возникает полисемия.

Изменение условий коммуникаций, также, как и в стихотворной речи, может приводить к совмещению в обращениях функций адресации с номинацией или характеристикой, либо усложнению апелляции эмотивной функцией. Так, в ситуации, где речь повествователя обращена к внешнему адресату, читателю, представлено обращение, выраженное простым субстантивным словосочетанием, сопровождающееся междометием «о»: *О, достойный читатель, явили наружность бриллиантовых знаков без юмора мы: как она предстала бы всякому наблюдателю...* («Петербург») Оно представляет собой обращение-характеризацию (по Ковтуновой), так как оно включает в себе квалификативные признаки адресата (обращение-отношение, по Формановской) и сигнализирует об отношении адресанта к адресату, сообщая последующему высказыванию дополнительную вежливость, в которой чувствуется авторская ирония. В тоже время, посредством обращения к читателю, создается эффект присутствия, приближения адресанта к адресату.

Аналогичный пример: *Дай руку, дорогой читатель, и выйдем со мной в лес. Смотри: сначала – сквозистые листы, с островками чертополоха, крапивы или царского чая.* («Дар») Данное обращение тоже создает эффект присутствия адресата в момент речи. Совместно с глаголом второго лица повелительного наклонения,

призывающим внешнего адресата к совместному действию, к сотворчеству, оно переносит читателя в романый мир, то есть раскрывает перед ним возможность, которую в силах осуществить «волшебник» автор.

В ситуации, когда автор приближен к герою, передает его мысли, переживания, чувства, обращения также не теряют первичную функцию апелляции. Например: *Тогда Мари скользит по мутно-серым фасадам старых домов, слепыми улицами, бегущими от ратуши черной пятерней к беззвучным променадам... в нее. Потом по лестнице – шестьдесят семь ступенек, если через одну – тридцать четыре шага. Если придешь точно – в восемь вечера по часам ратуши, – приоткрытый вход на четвертой площадке. В него. Через переднюю, прямо. Там. Только точно в восемь вечера по часам ратуши, Мари! Только точно, Мари! («Города и годы»).* Присутствие в контексте глагола 2 лица усиливает адресацию речи. На значение адресации, свойственное всему высказыванию «Только точно...», накладывается модальное значение, которое несет в себе, контекст, содержащий диалогические формы: глагол во 2 лице ед.ч., дейктические местоимения, неполные и эллиптические структуры, побудительные предложения. Они свидетельствуют о глубинной внутренней связи между адресантом и адресатом, создают иллюзию присутствия субъекта речи, одновременности его восприятия действительности и речи.

Анализ показал, что основная функция обращений в орнаментальной прозе состоит в том, чтобы создавать эффект присутствия субъекта речи, иллюзию непосредственного восприятия читателем отраженной в произведении художественной реальности. Апелляция речевого субъекта к странам, городу, явлениям природы и т.д., ставшими его внутренними адресатами, представляет собой коммуникативную метафору, усиливающую характерные для речевой ткани романа выразительность и эмоциональность.

Они участвуют в создании субъективизации повествования. Например: *В полдень послышался клюнувший ключ, и характерно трахнул замок: это с рынка домой Марианна пришла Николаевна; шаг ее тяжелый под томный шумок макинтоша отнес мимо двери на кухню пудовую сетку с продуктами. Муза Российския прозы, проснись навсегда с капустным гекзаметром автора «Москвы».* В предшествующем контексте В. Набоков пародирует стиль А. Белого. Обращение к Музе и содержание последующего побудительного предложения не оставляет сомнений в том, что предшествующий текст – стилизация. Обращение и повеление акцентируют внимание читателя на этом, следовательно, они выполняют метатекстовую функцию. Вместе с тем столь «пышное», приподнятое с устарелым книжным окончанием прилагательное *Российския* в обращении, контактирующее с нейтральной тональностью текста, свидетельствует об иронической авторской оценке ритмизированной прозы Белого.

В то же время все обращения к нелицам, к заведомо некоммуникабельным объектам, выступают в роли «коммуникативной метафоры» [10, с. 90]. Подобные обращения используются в речевой ткани романов для воплощения акта коммуникации между разными внутренними сторонами речевого субъекта. Тексты, заключающие обращения к нелицам, могут не нести никакой информации, а воплощать духовные поиски или передавать душевное состояние субъекта речи. В

обращении к нелицам значение адресации ослабевает, оно свидетельствует о близости, о глубоком внутреннем контакте субъекта речи с адресатом. Такие обращения, сопровождающиеся речью во 2 лице, вклиниваются в объективно-авторское повествование, несобственно-прямую речь героев или прерывают диалог героев без какой-либо подготовки.

ВЫВОДЫ

Анализируемые синтаксические категории на уровне макротекста участвуют:

- в осуществлении игры пространственных планов (переход от 3 ко 2 лицу);
- чередовании повествовательных форм: игра внешней и внутренней точками зрения осуществляется с помощью императива и обращения не только в рамках всего художественного целого, но и в отдельных фрагментах текста, на уровне сложного синтаксического целого;
- в субъективизации повествования;
- в создании полифонизма речевой структуры художественного текста;
- в создании лейтмотива центральной темы, лежащей в основе произведения;
- в раскрытии внутреннего состояния субъекта речи (повествователя или героя), его идеологических позиций, то есть выполнении изобразительно-выразительной функции.

Список литературы

1. Алиева, Э.А. Семантико-функциональный потенциал вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века): монография [Текст] / Э.А. Алиева – Ташкент, 2016. – 128 с.
2. Алиева, Э.А. Функциональный статус второго лица местоимений и глаголов в языке орнаментальной прозы [Текст] / Э.А. Алиева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Выпуск 120, № 3 (437), 2020. – С. 7–11.
3. Акимов, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст] / Г.Н. Акимов. – М., 1990. – 168 с.
4. Бао, Хун. Экспрессивные средства русского синтаксиса в структуре текста [Текст] / Хун Бао. – М., 2003. – 252 с.
5. Белошапкова, В.А. Современный русский язык. Синтаксис [Текст] / В.А. Белошапкова. – М., 1977. – 248 с.
6. Береговская, Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису [Текст] / Э.М. Береговская. – М., 2004. – 208 с.
7. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1980. – 360 с.
8. Забурдяева, В.И. Вставные конструкции в романе В. Набокова «Дар» [Текст] / В.И. Забурдяева // Актуальные вопросы преподавания и изучения русского языка и литературы на современном этапе. – Ташкент, 1994. – С. 34–39.
9. Князева, Н.В., Королькова, Е.Е. К вопросу об экспрессивных синтаксических средствах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html>.
10. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис [Текст] / И.И. Ковтунова. – М., 1986. – 208 с.
11. Ковтунова, И.И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века [Текст] / И.И. Ковтунова // Очерки истории языка

- русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. – М., 1993. – С. 106–154.
12. Сковородников, А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка [Текст] / А.П. Сковородников. – Томск, 1981. – 255 с.
13. Халилова, Д.М. Семантико-функциональные особенности номинативных рядов в русской орнаментальной прозе XX века [Текст]: авт. дис... канд. фил. наук / Д.М. Халилова. – Ташкент, 2011. – 26 с.
14. Хамракулов, А.А. Вставные конструкции в русской художественной прозе первой трети XX в. [Текст] : авт. дис... канд. фил. наук / А.А. Хамракулов. – Ташкент, 1998. – 22 с.
15. Чеплыгина, И.Н. Языковые средства экспрессивности в художественной прозе В. Набокова [Текст] : авт. ...докт. фил. наук / И.Н. Чеплыгина. – Ростов-на-Дону, 2002. – 26 с.
16. Шмелев, Д.Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке [Текст] / Д.Н. Шмелев. – РЯШ, 1961, № 5. – С. 52–61.

References

1. Alieva Je.A. *Semantiko-Funksionalnye Osobennosti Voprosa v Khudozhestvenno-Prozaicheskoy Monologe (Na Materiale Yazyka Russkoi Prozy Pervoi Treti XX Veka): Monografiya* [Semantic and Functional Features of the Issue in the Artistic and Prose Monologue (Based on the Material of the Russian Prose Language of the First Third of the Twentieth Century). A Monograph]. Tashkent, 2016. 128 p.
2. Alieva Je.A. *Funksionalnyi Status Vtorogo Litsa Mestoimenii i Glagolov v Yazyke Ornamentalnoy Prozy* [The Functional Status of the Second Person of Pronouns and Verbs in the Language of Ornamental Prose]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*. Iss. 120, No. 3 (437), 2020, pp. 7–11.
3. Akimova G.N. *Novoe v Sintaksise Sovremennogo Russkogo Yazyka* [New in the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, 1990. 168 p.
4. Bao Hun. *Jekspressivnye Sredstva Russkogo Sintaksisa V Strukture Teksta* [Expressive Means of Russian Syntax in the Structure of the Text]. Moscow, 2003. 252 p.
5. Beloshapkova V.A. *Sovremenniy Russkiy Yazyk. Sintaksis* [Modern Russian Language. Syntax]. Moscow, 1977. 248 p.
6. Beregovskaya E.M. *Ocherki po Jekspressivnomu Sintaksisu* [Essays on Expressive Syntax]. Moscow, 2004. 208 p.
7. Vinogradov V.V. *O Yazyke Khudozhestvennoy Prozy* [About the Language of Fiction]. Moscow, 1980. 360 p.
8. Zaburdaeva V.I. *Vstavnye Konstruktsii v Romane V. Nabokova Dar* [Linking Structures in V. Nabokov's Novel The Gift]. *Aktual'nye Voprosy Prepodavaniya i Izucheniya Russkogo Yazyka i Literatury na Sovremennom Etape*. – Tashkent, 1994, pp 34-39
9. Knyazeva N.V., Korolkova E.E. *K Voprosu ob Jekspressivnykh Sintaksicheskikh Sredstvakh* [On the Question of Expressive Syntactic Means]. Available at: <http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html>.
10. Kovtunova I.I. *Pojeticheskii Sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow, 1986. 208 p.
11. Kovtunova I. I. *Printsip Nepochnoi Opredelennosti i Formy Yego Grammaticheskogo Vyrazheniya v Pojeticheskoy Yazyke XX Veka* [The Principle of Incomplete Certainty and the Form of Its Grammatical Expression in the Poetic Language of the Twentieth Century]. *Ocherki Istorii Yazyka Russkoy Pojezii XX Veka. Grammaticheskie Kategorii. Sintaksis Teksta*. Moscow, 1993, pp. 106–154

12. Skovorodnikov A.P. *Jekspressivnye Sintaksicheskie Konstruktsii Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Literary Language]. Tomsk, 1981. 255 p.
13. Khalilova D.M. *Semantiko-Funktsional'nye Osobennosti Nominativnykh Ryadov v Russkoi Ornamental'noi Proze XX Veka: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Semantic and Functional Features of Nominative Series in Russian Ornamental Prose of the Twentieth Century. Abstract of Thesis]. Tashkent, 2011. 26 p.
14. Khamrakulov A.A. *Vstavnye Konstruktsii v Russkoi Khudozhestvennoi Proze Pervoi Treti XX V. Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Linking Structures in Russian Fictional Prose of the First Third of the Twentieth Century. Abstract of Thesis]. Tashkent, 1998. 22 p.
15. Cheplygina I.N. *Yazykovye Sredstva Jekspressivnosti v Khudozhestvennoi Proze V. Nabokova* [Linguistic Means of Expressiveness in V. Nabokov's Fiction. Abstract of Thesis]. Rostov-na-Donu, 2002. 26 p.
16. Shmelev D.N. *Vneimperativnoe Upotreblenie Formy Povelitelnogo Nakloneniya v Sovremennom Russkom Yazyke* [Non-Imperative Use of the Imperative Mood in Modern Russian]. RYASH Publ., 1961, No 5, pp. 52–61.

FUNCTIONAL-SEMANTIC SPECIFICITY OF SPEECH MEANS OF IMPERATIVE AND APPEAL AS KEY ELEMENTS OF EXPRESSIVE SYNTAX IN THE LANGUAGE OF THE WORKS OF THE ORNAMENTAL PROSE

Aliyeva Je. A.

The article presents the results of a comprehensive analysis of the functional and semantic potential of imperative and appeal in the monologue text of the ornamental prose of the first third of the 20th century. A comprehensive analysis of speech forms of the oral dialogue is based on the material of works of art by the most prominent representatives of ornamentalism (A. Bely, K. Fedin, V. Nabokov, Y. Tynyanov). It shows modification of the functions and semantics of these subject-expressive forms of syntax on the horizontal (in the syntagmatics of the speech chain) and vertical (at the level of the whole text) sections of an artistic ornamental work. An analysis of the use of the imperative and appeal in the ornamental prose made it possible to identify semantic and functional features of the above-mentioned speech forms of the oral dialogue similar to those of poetic speech and specific to the poetic style of the named authors. Forms of command in artistic and prosaic speech develop functional asymmetry. Types of relations are homonymy, polysemy, and synonymy. Changes in the conditions of communication, as well as in poetic speech, leads to the combination of addressing functions with nomination, characterization, or complication of the appeal with an emotive function. Multifunctional addresses and imperative statements turn out a means of expressing complex information, characteristic of ornamental prose, oriented to the language of lyric poetry. It is concluded that at the macrotext level these syntactic categories are involved in the implementation of the game of spatial plans, alternation of narrative forms, in the subjectivization of narration, in the creation of polyphonism of the speech structure of a literary text and the leitmotif of the central theme, in the performance of a pictorial and expressive function.

Key words: subjective-expressive means of syntax, speech forms of oral dialogue, question, imperative, appeal, ornamental prose.